

Мгновения жизни

Валерия Флай

БЫЛИНЫ, СКАЗЫ И СКАЗКИ О РАЗБОЙНИКАХ

*Но если у него родился сын разбойник,
проливающий кровь...*
Иез. 18:10

Варавва же был разбойник.
Ин. 18:40

*Страх и трепет нашел на меня,
и ужас объял меня.*
Пс. 54:6

Так случилось в истории человечества, что многие и многие люди неоднозначно – совсем по особенному относятся к той категории человек, которая именуется словом *разбойник*.

Конечно же, разбойника боятся – возможная встреча с ним в темном городском переулке или тупике, в подъезде дома или в лесу, вообще в отдалении от людей, устрашает. Страх и трепет вызывают разбойники, когда они вдруг предстают перед вами. Ужас настигает человека, обездвиживает его и лишает способности соображать и помышлять о спасении.

Тем не менее в сознании людей к разбойнику может возникать и некое снисхождение, а что особенно удивительно – иногда можно усмотреть и симптомы сдерживаемого восхищения...

В чем дело? Почему люди не только боятся разбойника, но и идентифицируют себя с ним, принимая и восторгаясь некими его особенностями?

Полагаю, что вопросы побуждают провести расследование.

Обратимся к источникам.

В библейские времена разбойниками были названы зилоты – мятежно-террористическое крыло сикариев. Это были политические объединения, которые для дос-

тижения политических целей – освобождение страны от римлян – прибегали к убийствам и грабежам. В праздничные дни они смешивались с толпой, пряча под одеждой короткие кинжалы (лат. *сика* – кинжал). Предполагается, что к сикариям принадлежали разбойники, казненные вместе с Иисусом, а также Варавва: «Тогда был в узах *некто*, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» (Мк. 15:7).

Народ потребовал освобождения разбойника Вараввы. Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил Варавву, а Иисуса предал на распятие (Мк. 15:12–13).

Итак, народ предпочел освободить разбойника нежели Иисуса Христа.

В восточнославянской мифологии, былинном эпосе, в сказках и сказках были созданы образы разбойников – устрашающих антигероев. Эти разбойники поражали людей и даже героев и богатырей своим пугающим видом, *своей безудержной смелой наглостью, своим самоволием, своей вседозволенностью*.

На Руси слово «разбойник» было обыденным словом, сопряженным с опасностью существования на пространствах необъятной русской земли.

Слово *разбойник* использовалось повсеместно, так как в прежние времена беглые крепостные и прочий люд скитались по дорогам и объединялись в разбойничьи шайки.

Илья Муромец и Соловей-разбойник – классическая былина, старинный жанр устного народного творчества. Былины – были, то есть то, что возможно было на самом деле.

А.С. Пушкин воспроизвел в своих стихах заунывную бурлацкую песню:

...
Ты скажи, скажи детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ то тугой лук,
Что рассыльщики мои то калены стрелы.

А.С. Пушкин не раз обращался к теме разбойников. Его образы разбойничьих типов поражают воображение:

Не стая воронов слеталась,
 На груды тлеющих костей,
 За Волгой, ночью вокруг огней
 Удалых шайка собиралась.
 Какая смесь одежд и лиц,
 Племен, наречий, состояний!
 Из хат, из келий, из темниц
 Они стекались для стяжаний!
 Здесь цель одна для всех сердец –
 Живут без власти, без закона.

Здесь цель одна для всех сердец – *живут без власти, без закона*. Не в этом ли романтика для угнетенного люда? Не в этом ли романтика для законопослушного человека?

«Надо», «должен» – слова, преисполненные высокого социального значения. Но как трудно многим и многим людям постоянно находиться под дамокловым мечом «надо» и «должен»! Необузданные души жаждут раскрепоститься от долга, который предопределяет поведение и поступок, жаждут раскрепоститься от подчинения закону. Тяга к преступанию через закон – увы! – проявляется не только у людей из социально неблагополучной среды, но и у людей внешне благополучных, лично успешных...

Не каждый человек на всех этапах своей жизни стремится соответствовать долженствованию.

Многие и многие если не преступают черту сами, то снисходительно относятся к преступившим.

Разбойник – прежде всего это тот, кто промышляет разбоем, грабежом, кто причиняет физический, психический и материальный ущерб другому человеку.

Разбойник – слово, которое употребляется и в переносном значении, когда один человек эксплуатирует труд, способности другого человека для собственной материальной, карьерной и прочей выгоды.

Однако слово *разбойник* в русской речи употребляется и в амбивалентных значениях: во-первых, как бранное слово, выражающее обесценивание человека за его недостойные проявления, и, во-вторых, как шуточное порицание шалуна, сорванца, сорвиголову.

Дети обожают играть в «казаки-разбойники». Ребенку льстит, когда его за шалости любовно называют разбойником. У Ханса Кристиана Андерсена маленькая

разбойница «была такая необузданная и своевольная, что просто любо». Так что появляются эмоционально приемлемые оттенки, которые воссоединяются со словом *разбойник*...

Как следует к этому относиться? Отчего возникает снисхождение, терпимое или благосклонное отношение к разбойникам?

Когда я была маленькой, – во время Отечественной войны, – на улицах Бебеля и Масловки города Москвы дети и подростки, оставшиеся без попечения родителей (отцы воевали, матери работали с утра до ночи, моя мамочка тяжело болела и находилась то в больницах, то в санаториях), образовывали шайки, которые возглавляли «короли» – старшие подростки допризывного возраста. Читая в ту пору о Кае и Герде, я полюбила маленькую разбойницу – такую бесстрашную, такую вольную, такую добрую...

Сколько неоднозначны мы, люди, в своих суждениях и оценках...

Мы почитаем Иисуса Христа за то, что Ему открылось, что Его жизнь подчинена высшему «должно» (Лк. 2:49). Но мы же снисходительны к разбойнику, суть которого в том, чтобы *преступить* через то, что должно.

Что прельщает обыденного человека в том, чтобы выйти за пределы? Почему изощренный ум философа изрекает, что леность мысли находит лазейку в должностовании?

Разбойник всегда отчужден от законопослушных. Он не полководец в ратном бою, но он стратег, который должен предвидеть, как будет разворачиваться ситуация, и он должен обеспечить себе победу. Разбойник добывает себе богатства силой, смертью других. Он сам себе голова. Он волен в своем выборе. Безответственная свобода выбора – ужасающая и привлекательная страсть, которая пьянит кровь и прельщает душу.

Н.А. Некрасов весьма образно описал дела разбойничьи:

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Пилигрим.
Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр – атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,
Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу...

О разбойниках писали многие и многие русские писатели и поэты: Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, И. Бабель, С. Есенин, Н. Рубцов и др. И подчас явно проглядывали у этих талантливых авторов элементы романтизации устрашающих «деяний» и образа жизни разбойников.

Начиная с арабских сказок «Тысяча и одна ночь», читатель может найти привлекательные образы сильных, хорошо оснащенных и богатых разбойников. Как не прельститься красотой и силой разбойников, которые предстали перед Али-Бабой? «... А когда пыль рассеялась, показалось несколько всадников, подобных ярым львам, и были они увешаны оружием, одеты в кольчуги и опоясаны мечами, и у колена каждого было копьё и на плече – лук...

Когда Али-Баба влез на дерево и взгляделся во всадников взором пронизательного, он твердо уверился, что это воры и разбойники. Он пересчитал всадников, и оказалось, что их сорок человек, и каждый из них ехал на скакуне из числа лучших коней».

Люди склонны романтизировать разбойничью жизнь и разбойника как особую личность.

Я знаю одного человека, который занимался разбоем. Он грабил и убивал. Как-то он с внутренним удовлетворением и гордостью сообщил мне: «Я потомственный разбойник – мой дед разбойничал!»

Что дает разбой человеку, вступившему на этот путь?

Свободу? Свободу от чего?

Богатство? Отнятое богатство никогда не делает человека открыто зажиточным.

Однако... Свобода. Богатство. Как это заманчиво для человека... Как это обманчиво...

Разбойники – часть человеческого сообщества. Пролив много крови, они подчас раскаиваются.

У Ф. Шиллера разбойник Моор пришел к раскаю: «О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием! Я называл это мщением и правом! Я дерзал, о провидение, стачивать зазубрины твоего меча, сглаживать твои пристрастия! Но... О, жалкое ребячество! Вот я стою у края ужасной бездны и с воем и скрежетом зубным познаю, что два человека мне подобных, могли бы разрушить все здание нравственного миропорядка!.. Загубленное мною – загублено. Никогда не восстановить поврежденного! Но я еще могу умиротворить поруганные законы, уврачевать израненный мир. Ты требуешь жертвы, жертвы, кото-

рая всему человечеству покажет нерушимое величие Твоей правды. И эта жертва – я! Я сам должен принять смерть за нее».

Разбойник не всегда и не абсолютно отчужден от других людей. Иногда в разбойнике пробуждается доброта, отзывчивость и он становится человеческим.

Братья Якоб и Вильгельм Гримм написали сказку о разбойнике, который жил когда-то на свете: «Он обитал в дремучем лесу, в ущельях и пещерах, вместе со своими товарищами. Когда по большой дороге проезжали князья, помещики и богатые купцы, он подкарауливал их и забирал у них деньги и добро». Однако разбойник спас женщину с ребенком, за это был прощен и освобожден королевой.

Спас и был прощен...

Элементы человечности в разбойнике могут восхитить обывденного человека, и он готов простить, умилиться, прослезиться. А когда судьба даже насильственно соединяет с разбойником, то многие из людей чувствуют необъяснимые эмоции сопричастности. Так, когда Емельян Пугачев был пойман и пленен, Гринева пережил странные чувства: «Наконец мне можно было ехать домой. Я был в восторге; но странное чувство омрачало мою радость».

Это странное чувство порождает наша способность охватывать все стороны личности человека. Рефлексия на ужасное и доброе в разбойнике рождает сожаление о том, что у этого человека могло бы происходить все иначе...

Былины, сказки и мифы о разбойниках – теперь для меня это лишь присказки, вернувшиеся ко мне из детства и юности, когда я зачитывалась фольклорными историями.

Сегодня я знаюсь с настоящими разбойниками...

По закону они были приговорены за свои ужасные дела, за разбой к смертной казни, а потом помилованы пожизненным осуждением. Закон есть закон. Они, безусловно, преступники.

Но... Но общаясь с ними, – вот уже более семи лет, – я невольно привязываюсь к ним. Мы говорим о разном: о психических состояниях, о духовном в человеке, о душевной боли, об утраченных возможностях, о свободе и узах. Я много думаю о них. К некоторым из них я отношусь так, что ни за что не обозначу это отношение словом: не поймут меня многие мои читатели...

Как у Гринева когда-то из-за Емельяна Пугачева странное чувство омрачало его радость предстоящей жизни, так и у меня сегодня неизъяснимо щемящее

чувство сопровождает проживаемые мною, наполненные смыслом и ощущением полноты жизни, дни.

Мои разбойники обладают такой же амбивалентной феноменологией человеческой сущности, как и прочие люди – преступающие и законопослушные одновременно. Однако сидящие в узах наказаны за то, что они пресступили общечеловеческое *табу* в корыстных, разбойничьих целях.

Мои разбойники могли бы иначе пройти свой жизненный путь. Среди них – талантливые, умные, образованные. И как это ни страшно, как это ни парадоксально звучит – среди них есть и тонко чувствующие, хорошо рефлексирющие, способные к сопереживанию.

Мои разбойники – это *быль* человеческой сущности, это *боль*, рвущая сердце на части.

Зачем? Зачем? Зачем вы разбойничали?

Все могло быть иначе.

